

Иеромонах Антоний (Подоровский)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХИ

Самарская Православная Духовная Семинария

Одним из самых интересных сюжетов из истории греческого языка является ренессанс норм аттического диалекта в византийский период. Общий обзор греческой литературы в указанную эпоху позволяет зафиксировать два периода моды на пользование древними нормами: это четвёртый-пятый века, эпоха очередного расцвета Афинской Академии, и десятый-двенадцатый, связанный с деятельностью византийских схоластов и грамматиков – основателей того напыщенного стиля, манеры изъясняться, который позже получил название “византизма”. Во второй период растёт научный интерес к грамматике, и рефлексия греков по поводу их языка могла в перспективе дать значительные результаты в области истории языкознания. Подтверждением тому может служить обстоятельство, что деятели второго периода добились большего приближения к языку Платона и Фукидида.

Известно, что со времён Аристотеля классический греческий начинает фиксировать изменения, которые в нём происходили. Новый Завет был написан на “койне”, уже столь отличавшемся от аттического диалекта, что вплоть до А. Дайсмана, открывшего другие памятники, написанные на койне, считалось, что для Нового Завета изобрели некий “священный язык”. “Койне” фиксирует начальные этапы формирования “народного” греческого языка, нынешней “димотики”. Казалось бы, если само Священное Писание зафиксировано на народном варианте языка, то что мешает использовать разговорный язык христианину-писателю позднейшего времени?

Исследуя причины, побудившие образованных византийцев предпочитать древние языковые нормы современным и привычным, можно выделить несколько, но общая основа у них одна. Быть образованным для человека средних веков – это знать тексты относительно различных областей знания, написанные в далёком прошлом. Знание логики предполагало знакомство с “Логикой” Аристотеля, знание риторики – с произведениями Демосфена, знание поэтики – с “Одиссеей” и “Илиадой”. Особенность Византии состоит в том, что, во-первых, стремление к аттицизму не имело религиозного основания (в отличие от аналогичных явлений у славян и арабов), во-вторых, что национальное сознание ромеев самоидентифицировало себя во многом именно по языковому принципу (в отличие от средневековых западноевропейцев). “Варвар”, не эллин, – это тот, кто говорит непонятно. Отсюда становятся понятными насмешки над философом

Иоанном Италом, “который так и не избавился от италийского акцента” [1, 251], патриархом-славянином Никитой и т.п.

Конечно, очень важную роль играло почтительное отношение греков к античной литературе, к риторике. Обычным было представление, что лишь тот, кто основательно изучил древних авторов и получил *навык писать их языком*, имеет право на создание “настоящей литературы”. Очень характерен эпизод из творчества св. Григория Богослова, обличавшего бесчестный поступок Максима Циника, притворявшегося философом и решившего, для оправдания себя, письменно возразить святому: “Иль нынче так: / Была бы наглость – знаний не потребуют? / Тебя, быть может, мудростью наполнили / Нежданно музы, как бывало в древности? / Или же лавр священный Фебов обуял тебя / Или родник исполнил силой вящую, / Что наш Максим безграмотный писать взялся?” [2: 74-75], в то время, как о себе, учившемся десять лет в афинской академии, и приобретшем там славу ритора, святитель Григорий замечает, что ему писать так же естественно, как птице – летать.

Однако, на наш взгляд, есть резон особенно выделить роль философской рефлексии в предпочтении древнегреческого языка димотике.

Философское образование для византийца – это не только доскональное изучение текстов Платона, Аристотеля и других, но и умение мыслить в их ключе, пользоваться принятыми ими категориями. Неслучайно всю византийскую философскую традицию описывают как “псевдоморфозу”, подразумевая, что новое содержание подаётся в старом, античном формате. Те проблемы, которые решались византийскими мыслителями (проблема соответствия имени и реальности, проблема соотношения конкретного бытия к бытию вообще, проблема соотношения сущности и энергии) и которые имели отношение к богословию, находили выражение в рамках античной философской традиции.

Важным фактором, вытекающим из предыдущего, является сохранение прежних задач в философской рефлексии. Святой Иоанн Дамаскин составляет “Философские главы” так же, как и язычник Порфирий “Введение в категории Аристотеля”. Византийская философская рефлексия включена в комментаторскую культуру. Интересен один из анафематизмов Церкви против Иоанна Итала: “Проходящим эллинские учения и обучающимся им не ради только обучения, но и следующим их суетным мнениям и верующим в них как в истинные – анафема” [3: 863]. Как видно, в обычае было некритическое чтение первоисточников, и задача философа эпохи им самим часто виделась не в том, чтобы осмыслить и творчески продолжить мысль античного автора, но чтобы дать комментарий, т.е. сделать выводы из написанного применительно к новой ситуации, в то время как истина считалась уже сказанной. Другим примером может послужить ещё один анафематизм из того же документа: “Предпочитающим *глупую внешних философов так называемую мудрость*, и следующим за их наставника-

ми... отрицающим воскресение, суд и конечное воздаяние за жизнь – анафема”. Т.е. статус античного автора – это статус наставника, его авторитет обыденным сознанием превозносится до такой степени, что может отрицаться христианская догматика. Между прочим, и слово “догмат”, греч. **δόγμα**, изначально переводилось как “мнение”, “решение”, “постановление”, “*философское учение*”. Это значит, что византийские платоники, как правило, занимались не рациональной критикой церковной догматики, а заменой одной догматики на другую, церковной на платоновскую. Не следует, конечно, преувеличивать несамостоятельность византийцев применительно к древним философам, например, тот же св. Иоанн Дамаскин “не принимает деления аристотелевской субстанции на первую и вторую” [4, 7]. Кроме того, сама постановка образования игнорировала противоречия между доктринами. По свидетельству св. Григория Паламы, после изучения Аристотеля ему предстояло знакомство с Платоном.

Отсюда становится понятным, что общая научно-философская картина для эллина византийской эпохи была статичной. Основные знания уже получены, разрабатываться могут только прикладные дисциплины. Знакомство с этой картиной в возможно большей её полноте эквивалентно получению образования. Поэтому, в частности, предположение Л.Б. Карпенко о том, что святой Кирилл Философ, просветитель славян, зашифровал эту картину в глаголической азбуке, является в достаточной мере обоснованным. С другой стороны, статичность мировоззренческой картины подразумевает известную консервацию языка, в то время как, напротив, постановка новых философских проблем может стимулировать и изменения, связанные с языком, когда Декарт, первопроходец рационалистической метафизики, вводит в философское употребление французский язык, а Лейбниц ставит вопрос о немецкоязычной философии.

Кроме того, есть и более специфические причины необходимости именно древнегреческого языка для философии. Если в западноевропейских, латинском, русском, новогреческом языках абстрактные понятия образуются суффиксальным способом, то в древнегреческом весьма часто употреблялась конструкция: артикль среднего рода + инфинитив глагола. Например, термин “положение” в “Философских главах” передаётся как τὸ κέσθαι; а “имение” — τὸ ἔχειν. Также мог использоваться артикль с причастием: “сущее” передаётся как τὸ ὄν, и с другими частями речи. В философской терминологии часто использовались превосходные степени (τὰ δίκωτάτα εἶδη – “самые низшие виды” и т.п.). Димотика, в конце Средневековья отказавшаяся от инфинитива и сократившая употребление причастий, введшая отличные от древнегреческих слова для числительных, претерпевшая изменения в порядке образования степеней сравнения, могла быть лишена возможности дать альтернативный вариант, обеспечив также его корреляцию с известными аристотелевскими терминами.

Другой специфической причиной являлась частая апелляция к этимологии слова, как к аргументу. В “Философских главах” находим: “Языческие философы, как уже было сказано, различали субстанцию (οὐσία) и природу (φύσις). Именно субстанцией они называли бытие вообще, природой же – субстанцию, определённую её существенными разностями... Но святые отцы, отказавшись от бесполезных словопрений, общее и о многих предметах высказываемое, т.е. низший вид, назвали субстанцией (οὐσίαν), природою (φύσιν) и формою (μορφήν)... В самом деле, (слово) οὐσία – субстанция – происходит от глагола εἶναι, а φύσις – природа – от глагола πεφυκέναι; но и означают одно и то же – быть, существовать” [4: 39].

Таким образом, язык, и применительно к ситуации в Византии вообще, и в специфическом своём качестве, становится важным фактором в воспроизведении философской рефлексии и образования вообще, причём статичность картины мира обуславливает статичность самого языка. Греческий язык V-IV в. до н.э., особенно аттический диалект, получает идеальный статус и естественно становится нормой для подражания. И потому, например, для газской философской школы могло быть высшей похвалой выражение “афиняне едут в Газу учиться говорить по-аттически”. Степень приближения к античным нормам во многом определяла степень интеллектуальной осведомлённости, а значит и личный авторитет в глазах жителей Ромейской автократии.

Библиографический список

1. Steven Runsiman. Βυζαντινός πολιτισμός (μτφρ. από αγγλ.) Εκδ. ΓΑΛΑΞΙΑΣ, 1969.
2. Памятники византийской литературы IV-IX в. / под ред. Л.А. Фрейберг – М.: Наука, 1968-350 с.
3. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
4. Св. Иоанн Дамаскин. Источник знания. – СПб.: Наука, 2006. – 358 с.

В.Н. Никитин

КОРПОРАТИВНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Самарский государственный университет

Профессиональная деятельность преподавателя иностранного языка в сфере образования взрослых включает в себя языковой, методический и психолого-педагогический компоненты, которые в процессе работы пре-